

Сны Вероники



Вероника
Сагаш

Вероника Сагаш

Сны Вероники (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5688342

Сны Вероники / Вероника Сагаш: Книга-Сефер; Израиль; 2012

ISBN 965-7288-05-3

Аннотация

«Каждый сон – реальность, пока вы верите в это» – эти слова Элизабет Хейч поместила израильский русскоязычный литератор Вероника Сагаш на обложку своей первой книги.

В ее нерифмованных стихотворениях и лирических новеллах – неровный, порой нервный, радостный, трагический, но никогда не равнодушный ритм жизни тридцатилетней израильтянки.

Творчество Вероники современно и созвучно тем, кто продолжает считать поэзию «высшей формой организации языка», тем, кто любит, и любим, тем, кто хочет любить, и быть любимым, ищет понимания и ответа в нашем таком огромном и таком маленьком мире. Мире, в котором Интернет и Поэзия скрадывают расстояния между Петербургом и Тель-Авивом, Петах-Тиквой, где живет Вероника и Усть-Каменогорском, из которого она некогда приехала на Землю Обетованную.

Если у вас плохое настроение, депрессия, хандра и вам кажется, что жизнь состоит только из темно-серых и черных

полос, а белых и всех цветов радуги полос не предвидится еще очень-очень долго – возьмите в руки книгу Вероники Сагаи «Сны Вероники», заберитесь с ногами в любимое кресло и прочитайте. И вот тогда случится чудо! Вы поймете: жизнь продолжается и она прекрасна во всех ее проявлениях!

Содержание

Сны Вероники	9
Небесная канцелярия	9
Старшая дочь	12
Сумасшедшая	14
Душевная дедовщина	19
Небо желаний	22
Одиночество	25
Что нужно мужчине	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Верóника Са́гаш

Сны Вероники (сборник)

*Моему любимому брату Шкейрову Евгению
безвременно ушедшему посвящается
1976–2007*

*Был случай, когда к Чингизхану подошла жена
одного князя, с просьбой освободить её родных.*

Чингизхан сказал:

*– Вот, перед тобой стоят твой муж, твой
сын, и твой брат. Я отпущу только одного, кого
выбираешь?*

Не задумываясь, она ответила:

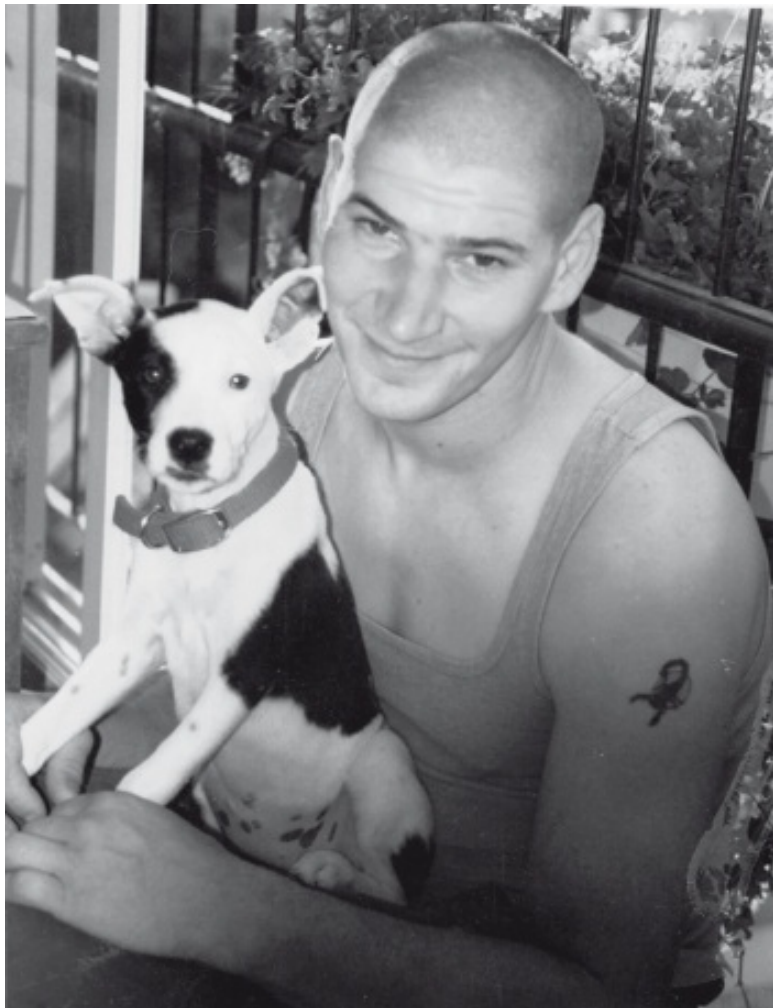
– Брата.

– Объясни мне, почему?

Женищина сказала:

*– Мужа я могу найти, сына я смогу родить, а
вот брата не могу создать.*

*После услышанного, Чингизхан освободил всех
троих.*



В оформлении использованы иллюстрации автора.

Обработка рисунков Андрея Крючкова.

Фотография Андрея Крючкова.

Автор выражает искреннюю благодарность Давиду Вольсману за помощь в создании этой книги.



Сны Вероники

*Нет просто историй.
Если история рассказана,
она где-то случилась:
в прошлом
настоящем
или будущем;
в знакомом
или ином измерении.*

Небесная канцелярия

Случилось так, что я умерла. На самом деле, верите вы мне или нет, с каждым из нас такое, раз в жизни, но случается. Каждый когда-нибудь испытает это чувство, непонятное до тех пор, пока его не переживёшь. Но переживание это описать словами невозможно, как попытаться объяснить, что это такое оргазм тому, кто не разу не испытал его.

Но вот что интересно, всё было совсем не так, как описывают: никакого тоннеля, яркого света, ангелов – ничего этого не было. Просто еле слышимый щелчок пальцами – хоп! И я ТАМ, как во сне, когда никогда не можешь вспомнить, даже если очень хочешь: а как же я сюда попала?

Но ТАМ оказалась... канцелярия. Наверное, не зря я

столько лет чувствовала себя офисной крыской. Правда, у нас были ручки и компьютеры, а у Него – большое белое пушистое лебединое перо и толстая приходно-расходная книга.

– Откуда? – не спросив даже как меня зовут и не отрываясь от какой-то одному ему известной записи, поинтересовался он.

«От верблюда», чуть не ответила я, жеманно прикрывая глазки. Но вовремя одернула себя – э, нет, тут верблюдов нет, тут же НЕБО. И я просто сказала:

– Оттуда, – и показала пальцем вверх. Многозначительно. Он смерил меня осуждающим взглядом.

– Там – это ЗДЕСЬ, – и грустно добавил: – как и везде, впрочем. Чем занималась?

– Жила, – беспечно ответила я, пожимая теми местами, где должны были быть плечи.

– Это понятно, – сурово насупил он те места, где должны были быть брови. – Род занятий человеческих?

Я напрягла то место, где совсем недавно была извилина.

– Животных мучила. Айболита читали? Классика! А ещё их, этих животных, да и людей, жизни учила.

– Позволь мне предположить... ветеринар, дрессировщик, психолог. Так, да? Это есть хорошо. Там, у людей, это нужно. Ты главное это... Не перегибала? – с надеждой спросил он.

– Бывало, – тихо и скромно сказала я.

– Ну вот, – вздохнул он, – доверишь вам искру божью,

силу небесную... А вы...

– Ты о чём это? – удивляюсь я. – А разве ОНА или ОН там?

– А ты как думала? Здесь, что ли? Сидит и тебя ждёт? ОН к нам и не поднимается никогда. «Душно, говорит, у вас здесь. Разрядили воздух своей бюрократией, дышать невозможно!»

«О-ПАНЬ-КИ» внезапно загорелись неоновыми лампочками буквы на небосклоне.

– Э-э-э, здесь нужно думать осторожно! Мысли они, знаешь, не только загореться, ещё и взорваться могут, – строго сказал он. – А нам потом облака по камешкам собирать.

– А можно я тогда... обратно? – робко взмолилась я.

– Ну вот, все вы так, только придут и уже обратно. Зачем тебе?

– Так к Нему поближе...

– Ну, иди, – вздохнул он, захлопывая книгу. – Только вот тебе кармическое задание: собак и мужчин больше не дрессируй. – И щёлкнул тем, что мы привыкли называть пальцами.

А где-то там внизу робкой улыбкой зарделась от удовольствия заря, возвещая о приходе новой жизни.

Все мы рождаемся с рассветом.

Старшая дочь

Говорят, что нет горя страшнее, чем потерять собственного ребёнка. Ни теоретически, ни физически, ни по законам природы, казалось бы, родители не должны переживать своих детей. Не дай Бог кому-нибудь испытать такое, врагу не пожелаешь.

А ещё говорят, чему быть, тому не миновать. И ещё кто-то записал в моей книге жизни пережить подобное несчастье. Причём я знала, на что шла, и в тот момент, когда её увидела, и на протяжении всей её жизни я пыталась подготовиться к её уходу.

Она была моё первое, моё испытанное, глубокое, тёплое и светлое ощущение счастья. Я так сияла, держа её на руках, что никто не мог ошибиться, глядя на нас.

А знаете, что за её появление в нашей семье было только одно «за» – моё желание! Не было ни денег, чтобы её прокормить, ни времени, чтобы ею заниматься.

Когда мы приехали в Израиль, ей на тот момент уже исполнилось три года. Большая уже девочка, умненькая, огромные карие глаза. К сожалению, как и всем в первые годы жизни здесь, мне приходилось работать и учиться день и ночь, виделись мы мало, но любили друг друга безумно, понимали друг друга с полу взгляда и полуслова. Всё говорило о том, что было между нами что-то большее, данное свыше

и не данное каждому: любовь.

А так как любовь идёт рука об руку с ревностью, я очень переживала будучи беременной, как она примет новорожденную, как отнесётся к ней, поймёт ли меня как понимала всегда. И произошло чудо: ревности не было! В свои неполные девять лет она как-то поняла, что ребёнок, который родился – это тоже часть меня. И приняла, и терпеливо переживала все проказы и опыты маленькой.

Мне выпало ещё одно счастье: побыть с ней почти два года конца её жизни. Я всегда говорила, что люблю её, что она моё счастье и как я рада тому, что она у меня есть.

Но собачий век короток. Для немецкого дога она была долгожителем – лет девяносто восемь в переводе на человеческий возраст.

Уходила она тяжело, но нам так не хотелось расставаться! Мы, люди, чувствовали и знали всё, но благодарили её ещё и ещё за один день что она с нами. Что думала она, никто не узнает. Что будет после смерти при жизни нам не дано познать.

Но если все собаки попадают в рай, мне бы тоже хотелось попасть туда, чтобы встретиться с ней, с моей Сорбонной, которую я всегда считала своей старшей дочерью. Наверное, ещё и потому, что родилась она примерно в тот срок, когда должен был родиться мой так и не родившийся первый ребёнок.

Сумасшедшая

Боятся ей было уже незачем. Ведь все вокруг и так знали, что она сумасшедшая... У каждого дома всегда есть своя история, и этот дом, «дом скорби», не был исключением.

Эта была история любви между пациенткой и её лечащим врачом. Иногда по вечерам, украдкой, он приходил к ней в палату, и она упивалась его телом, наслаждаясь каждым прикосновением, забывая обо всём.

А однажды они занялись любовью прямо на тротуаре, посреди безлюдно дремлющей и потерявшей бдительность улицы. Ей было всё равно, что скажут люди, всё равно, что о ней подумают. Она ведь и так была сумасшедшей. Правда, её мать продолжала звать её «шлюхой» и «подзаборной девкой». Но ей было всё равно, она ведь его так любила. Её дочка смотрела на неё с жалостью, а она смотрела на дочку с такой нежностью и любовью. Ведь она могла выразить всё что угодно, она же сумасшедшая.

Однажды он сказал ей: «Пойдём со мной, мне нужно переговорить с коллегами». Он налил ей стакан воды, а она представила, что он угощает её бокалом вина. Но в комнату, где были его коллеги, она не зашла, а осталась ждать снаружи. Ей уже не нужно было бороться со своим эго. Ведь она была сумасшедшая. Рядом с ней присели какие-то, явно приезжие, девочки. Они спросили её, не знает ли она кого-то,

кто может взять их на работу уборщицами? Она их внимательно выслушала, с умным видом покивала, но, пожав плечами, сказала что ничем, увы, помочь не может. Потом девочки поднялись и вышли, позвав её с собой. Она послушно встала и пошла за ними. Ведь она стала покорной, когда стала сумасшедшей.

Они все ехали в такси, о чём-то оживлённо болтая. Она слушала их болтовню и вдруг среди шумного водопада слов в её голове начала рождаться мысль, которая через несколько секунд сложилась в картинку, и было ощущение, как будто в голове её сидит человек с кинопроектором и прокручивает фильм. Сюжет: вот он выходит из комнаты после совещания с коллегами и видит, что её нет.



Остался на столе лишь её телефон. Тут она невольно до-трагивается до кармана брюк, и с ужасом понимает, что это не кино, забытый телефон действительно остался в клинике, а он её действительно ищет!

Он мечется в безумной панике и кричит: «Она меня бросила, она исчезла!». И тогда его безумство отчаяния захватывает и её, она кричит водителю: «Стой!!». Машина чуть было не врежется и останавливается. А она даже и не думает извиняться, на губах её играет улыбка нежности, сейчас она пойдёт к нему, через весь город пешком, ведь у неё нет денег на обратную дорогу. Она прощается с девочками, обнимает их и убегает. Идёт по улицам города в больничной пижаме, счастливая и радостная, всё с той же улыбкой на губах: она идёт к нему!

Как она дошла до клиники, каким образом оказалась в своей палате, когда и как он пришёл к ней и присел на кровать – она не помнила. Он ей сказал: «Девочка моя, я люблю тебя!» А она смотрела на него, любовь текла из её сердца, лаская его, обнимая его взглядом. Он ей сказал: «Да, я сопротивлялся любви к тебе, я думал, что это неправильно, что этого не должно быть...»

Но в этот момент в её сознании предательски спуталось время прошлое и настоящее, и ей показалось, что он ей говорит: «Я сопротивляюсь любви к тебе, я думаю, что это неправильно, что этого не должно быть!». Боль пронзила её тело, голова наклонилась набок, глаза прищурились и из них за-

капала горечь, обида, боль. Он заметил это и тут же ласково прикоснулся к ней и прошептал: «Но это всё в прошлом, любовь моя, девочка моя, я с тобой, я уже ничего не боюсь, любимая моя!». Обнял её, а она, укутавшись в его объятия, как в одеяло нежности, начала засыпать, а он смотрел на неё, целовал и гладил её волосы.

А она и не помнила, что сошла с ума в тот момент, когда он отказался от неё и от своей любви к ней, ушёл, сказав ей слова, которые разорвали ей душу и не поместились в её сознании.

Я уже не помнила его «до» всего этого. Для меня он был просто врачом, который безумно любил одну из своих пациенток...

Душевная дедовщина

Сидя на лекции по психологии в университете, часть которой была посвящена жестокости вообще и в семье в частности, Аня в очередной раз призадумалась. Преподаватель приводил данные некоторых исследований о том, что дети, подвергавшиеся жестокому обращению в детстве, в будущем склонны сами проявлять жестокость по отношению к своим детям. «Дедовщина, – подумала она и тут же засмеялась. – Чертовщина, я имела в виду, оговорка совсем как по Фрейду, когда с кончика языка соскальзывает предательски вырвавшееся наружу подсознательное».

Аня задумалась: несмотря на свой юный возраст и принадлежность к «слабому» полу, долгие годы её почему-то волновало то самое явление, которое называлось в Советской Армии дедовщиной. Суть его была в том, что когда в какой-то момент срок службы в армии был сокращён на год и старослужащие (те, которым не посчастливилось служить меньше) начали вымещать злость разочарованной несправедливости на новоприбывших счастливицах; а те, в свою очередь, в своё время, издевались над новобранцами, мстя за своё униженное прошлое. «Поразительно, – думала она, – это же неестественно... Человек, казалось бы, должен поступать совсем наоборот: пройдя через боль, не причинять подобную боль другому человеку?»

Аня вдруг вспомнила, что несколько лет назад мама, как бы в шутку, сказала ей и сестре: «Дети, если я буду вести себя как моя мама, просто пристрелите меня!». В том смысле, что сколько Аня себя помнила, отношения между бабушкой и мамой были всегда напряжены. Напряжение порой перерастало в неприязнь такой степени, что две старшие женщины не могли нормально общаться друг с другом, а маме Ани искренне хотелось, чтобы её отношения с дочерьми были иными.

Но иначе не получилось. Вернее, мама, конечно, пробовала, старалась, но не получилось. Несколько раз Аня, в запале спора или ссоры, напоминала о давней просьбе матери «пристрелить её». Конечно же, она не собиралась никого «убивать», просто пыталась достучаться, указать, сравнить...

Наверное, в какой-то момент мама это поняла, только вот вывод, к огромному сожалению, она сделала не тот, который бы хотелось её дочери. Видимо, не справившись, раздавленная чувством вины и для того, чтобы дальше не навредить, мама отстранилась. Совсем. Ушла.

Нелегко быть сиротой при живой матери, но так получилось, что мама стала жить в своём мире, где не было места для дочери. Хотя, по её словам, каждое утро она смотрит на Анину фотографию и желает ей всего самого хорошего.

«Вот она, душевная дедовщина жизни, – горько вздохнула Аня, – так всё сложно!» А возможно, что на самом деле наоборот, всё очень просто, пришла ей в голову мысль: ко-

гда человек что-то сильно ненавидит, отрицает или осуждает в себе или других, жизнь заставляет его побывать в шкуре осуждаемого им... Просто для того, наверное, чтобы снять излишнее напряжение, накопившееся во вселенной!

У неё настолько захватило дух от собственных мыслей, что, сидя на лекции по психологии в университете, слушая преподавателя и не слыша его, она замечталась, что когда станет работать по специальности, обязательно придумает что-то такое, отчего её имя будет записано в истории психологии наряду с Фрейдом. Например, она введёт понятие, которое будет называться «душевной дедовщиной». Конечно же, это понятие будет не буквально в применении к психологическому явлению, думала она, это как Эдипов комплекс Фрейда, который взял древнегреческий миф как основу, объясняющую сложность отношений между мальчиками и отцами.

И люди, прочитав о её исследовании на эту тему, вздохнут облегчённо, тем самым сняв напряжение муки необходимости причинять боль другим.

Небо желаний

Тем жарким памятным летом мы приехали на отдых всей семьёй и поселились в одном из небольших домиков на берегу озера, тонувшего в тенистой свежести буйно разросшихся кустарников и деревьев. Сами домики стояли на таком неощутимом расстоянии друг от друга, что их присутствие было невидимым, порой, для самих себя. Время однообразно текло похожими друг на друга днями и ночами и ничто не предвещало, что может произойти что-то необычное.

Однажды утром, завёрнутая в своё любимое полотенце бирюзового цвета, я спустилась к озеру. Был невыносимо душный день, и все невидимые до этого люди высыпали на берег, наслаждаясь, казалось, одним только присутствием рядом с водой.

В этот момент что-то и произошло. Это «что-то» было осознание того, что я могу летать! Недолго думая, я решила испытать, что же произойдёт, если я оторвусь от земли и прыгну в воду. Мне не терпелось, и я просто распростёрла руки-крылья и прыгнула. Конечно, мне не хотелось, чтобы кто-то заметил, что я на самом деле не прыгаю, а лечу над водой. Я задержалась в воздухе всего-то на несколько мгновений и, охваченная диким, до того неизведанным чувством восторга и блаженства, погрузилась в стихию воды. И, отбро-

сив всякие колебания я сначала пошла по водной поверхности, а потом, вдохнув в лёгкие воздуха, без малейших усилий, естественно вспорхнула над водой, потом над землёй, а затем закружилась в волшебном воздушном вальсе, поднимаясь всё выше и выше. Восторг пронизывал каждую клеточку моего тела, каждую частицу сознания, души, и с детской радостной улыбкой на губах, забыв обо всём, я парила и летала, и взмывала ввысь, и бросалась камнем с неба, и так захватывало дух и перехватывало дыхание за миллиметр от какого-либо куста, камня или дерева что я уже не чувствовала, кто я и что я, где я, зачем и почему, и границы времени, расстояния и ощущения стёрлись и растворились в неге небытия.

В какой-то момент я поняла, что нужно возвращаться. И что меня, летающую в небесах, уже заметили и, скорее всего, знают, кто я, и такого отличия не примут и не потерпят. Всё ещё в надежде, что если я приземлюсь подальше от нашего домика, меня не заметят, и я тихонько подкрадусь и спрячусь в своём доме под защитой моей семьи, я пробралась сквозь заросли и замерла, раздумывая, что же делать дальше, и в то же время как бы наблюдая себя со стороны: я стою, нагая, поблёскивая в лунном свете, волосы струятся по изгибам плеч и... неизвестно откуда выросшие белые, чувственно нежные лебединые крылья.!

И вдруг... раздался выстрел. Всё ещё наблюдая за собой как бы издали, вижу это неземное создание с крыльями

ми, уже забрызганными капельками крови, и глаза. Удивлённый, беспомощный и укоризненный одновременно взгляд, направленный в ту сторону, откуда прозвучал выстрел. Там стоит моя мама, её выстрел был точен, в спину, как раз между лопаток. Опустив голову, я вижу рану, как раз в том месте, где должно было быть сердце... Боль затянулась со временем, я больше не знала, могу ли я летать, и видела в небе просто небо, а рана зарубцевалась брызгами шрамов, которые каким-то невероятным образом сложились причудливым рисунком в форме звезды, запечатлев на теле и спрятав одновременно произошедшее в моём сердце навсегда.

Одиночество

За содеянное полагалась смертная казнь. Она убегала от погони, но громче, чем испуганное сердце, билась мысль: но я же ничего не сделала! И горечь обидной уверенности слезами стекала по лицу: никто не поверит... Звуки погони приближались и лай собак был её эхом.

Оставалось совсем немного: пересечь небольшую речку, просочиться через бетонный забор, блокпост – и она свободна! На границе она испугалась, что её вот-вот задержат и, разговаривая с пограничником, даже сжала в руке неизвестно взявшуюся откуда-то вилку, приготовившись нанести удар и бежать дальше, если потребуется. Но всё обошлось, и она, вздохнув с облегчением, бросила взгляд назад, туда, откуда только что спаслась. И сделала шаг вперёд. Слившись с толпой, она продвигалась к выходу в город, но вдруг поняла, что по какой-то причине ей туда нельзя. А можно было лишь повернуть налево, куда должны были идти такие же отверженные, как она.

Там была винтовая лестница с поручнями, каждый шаг по кованым железом ступенькам которой отзывался эхом страдания и одиночества. Поднявшись на самый верх, она вышла на крышу, которая сиротливо возвышалась над распростёртым внизу городом. Сердце защемило в неизведанной доселе тоске: здесь была городская помойка, куда сво-

зили все отбросы жизнедеятельности общества. Вонь была нестерпимая, спасал лишь ветер, который на этой высоте был необычно сильным и настойчиво выветривал дурной запах. Делать было нечего, она покорно села где-то в уголке и посмотрела на свой мобильный телефон, думая позвонить маме и брату. Ужас вкрался леденящим холодом в её душу и сердце пронзило от внезапной, колющей мысли: зарядного устройства для телефона нет и не будет, и сейчас она сделает последний звонок в своей жизни, в последний раз поговорив со своими любимыми и родными, и расстанется с ними навсегда. После этого она разобьёт ставший бесполезным телефон и сядет в своём углу, в надежде превратиться в одинокий соляной столб, не нужный никому.

Не зная ещё, что в своём одиночестве она наконец-то делает первый шаг по пути навстречу самой себе и что когда-нибудь всё равно найдёт дорогу обратно, к своим близким и родным.

Что нужно мужчине

Два старых друга встретились однажды вечером, как и договорились накануне по телефону, и зашли посидеть в знакомое обоим местечко, довольно-таки уютное, но под непонятным претенциозным названием «Убежище». Большинство столиков оказались свободными, но им захотелось расположиться за стойкой бара и они сразу же заказали выпить, даже не взглянув на меню.

Игорь, тот, который помоложе, лет сорока на вид, нервничал и выглядел немного растерянным. Феликс, который постарше, лет так под семьдесят, поэт, в глазах которого можно было найти всё или ничего, в зависимости от того, что хочешь увидеть, был спокоен и в своём обычном добродушном расположении духа.

Вначале они разговаривали обо всём и ни о чём: о работе, о погоде, об инфляции, о недавно вышедшем нашумевшем фильме. Через некоторое время Игорь решительно сказал, как будто собравшись с духом:

– Ты знаешь меня Феликс, я закоренелый холостяк с философией волка-одиночки. С женщинами я честен и открыто заявляю, что не хочу никаких обязательств, детей, брака. И размеренно иду по жизни, трахая тех, кто на это согласен, и не встречаю никаких претензий и обвинений, так как всё предельно ясно и без обид.

Тут он вздохнул и наполнил внутреннюю паузу значительным глотком виски из стакана, одновременно делая жест свободной рукой, как будто рисуя мельницу в воздухе, тем самым прося бармена повторить.

– Я эгоист, скептик, пессимист, пофигист! До недавнего времени всё было просто, однообразно скучно до зевоты и тошноты. И чтобы не заснуть по жизни, я пытался разнообразить свою жизнь разными телодвижениями, которые, как те спички, помогали держать веки открытыми. Ты поэт, может, тебе будет интересно, что, не имея такого творческого склада ума, как у тебя, мне пришлось в голову записывать свои мысли.



Merica
V 38

С этими словами он протянул руку к карману пиджака, висящего на спинке высокого стула, и, пошарив там, достал сначала новенькую записную книжку, а затем, нырнув рукой во второй карман, вытащил маленький футлярчик с очками для чтения, нервно нацепил их на нос и, кашлянув несколько раз, не глядя на своего друга, начал читать:

«Женщина просто красивая или просто умная – просто скучна.

Удивительная женщина удивляет.

Странная женщина заставляет задуматься.

Необычная женщина заставит тебя чувствовать по-новому.

Незаурядная, наверное, будет сочетать в себе ум и красоту.

Сексуальная женщина взволнует твою плоть, которая, насытившись, вновь заснёт... а потом вновь проснётся на зов другой сексуальности...

А есть ещё женщина «своя» – та, которая будет выше всех категорий и раскладов, но всё: запах, движения и жесты, истерики и слёзы, восторги и радости – будут играть особую, только тобой узнаваемую, единственную музыку на струнах души твоей, перебирая нежными пальцами мысли и унося вихрем ветра чувства».

Тут Игорь остановился, наконец-то в первый раз за весь вечер посмотрел прямо в глаза внимательно слушающего его Феликса и, вдохнув, а потом выдохнув, сказал:

– Так вот.....

Не глядя, взял стакан со стойки бара, одним глотком выпил содержимое, быстрым движением вытер предательски сбегаящую по подбородку капельку спиртного и решительно продолжил:

– Со мной что-то происходит! Я встретил женщину, рядом с которой чувствую себя не только спокойно и комфортно, но и впервые в жизни испытываю что-то необычное: я хочу за ней ухаживать за столом, когда мы в одной компании, хочу о ней заботиться, но самое странное – я хочу её слушать! Хотя иногда она несёт на мой взгляд чёрти что, но ты знаешь, Феликс... Я смотрю ей в глаза и вижу, что ей важно то, о чём она говорит, и когда она спрашивает меня, понял ли я её, я отвечаю честно, что нет, но стараюсь. И ещё, она меня... вдохновляет...

– Как её зовут? – спросил Феликс, которого заинтересовали такие внезапные откровения обычно циничного друга.

– Я зову её Настоящая женщина. Не могу иначе представить её тебе.

Повертев пустой стакан в руке, он продолжал:

– Видишь, стакан пустой... ПУСТОЙ... Так я чувствовал себя до недавнего времени. Пока однажды, проснувшись рядом с ней, не почувствовал, что я больше не пустой! Она дала мне что-то большее, чем сексуальное удовлетворение вечно голодного тела, но... тепло, искру радости, ощущение наполненности...

Глаза старого поэта увлажнились.

– Мальчик мой, извини, что я так к тебе обращаюсь, – поспешно добавил он, – мне кажется, эта женщина дала тебе свою любовь.

Но Игорь, как будто не услышав друга, всё ещё заглядывая в стакан, как в книгу, задумчиво продолжал:

– А потом мне приснился сон. Что сижу я за школьной партой, с октябрятской звёздочкой на синем пиджачке школьной формы, которая смотрится по-дурачки на моём почти сорокалетием теле, и прилежно положив согнутые в локтях руки одну на другую, смотрю на тёмно-коричневую исцарапанную предыдущими движениями белого школьного мелка доску, а там, в центре, нарисована цифра четыре. И чей-то голос произносит:

«Запомни: всё в этом мире вертится вокруг этой цифры: четыре стихии, четыре времени года и четыре типа женщины: хозяйка, любовница, девочка, королева. Не перепутай!»

– Проснувшись, я вспомнил, что она недавно мне говорила что-то про женщин, что типа, есть женщины, которые всю жизнь застревают в одной-единственной роли, тем самым не раскрывая свой потенциал возможности и энергии. И что ей повезло: что нашёлся мужчина, который дал ей в один вечер любовь, заботу, ласку и уважение, и тем самым предоставил возможность за короткое время пережить четыре основные женские ипостаси. Я как всегда её слушал, как всегда не совсем понимая, о чём это она, но с прилежностью ученика,

как на том последующем во сне уроке, пытался понять. Что я понял в тот вечер? Только то, что она говорила обо мне.

У Феликса, привыкшего к разному ходу и самому неожиданному повороту событий, которые он не только наблюдал в жизни, но и описывал в своих произведениях, вдруг резко пересохло в горле, и ненароком мелькнула шальная мысль, типа: «Ну-ты-брат-и-загнул!», но он тут же извиняюще улыбнулся Игорю, полуобернувшись к бару, всем понятным барменам жестом заказал ещё выпивку и нетерпеливо вернулся к прерванному разговору.

– Продолжай! – Этот разговор немного смутил, но одновременно и обрадовал его. Действительно, у Игоря произошло нечто такое, о чём он мечтал, писал, но никогда на самом деле не испытывал. Вечный романтик в душе, он был хорошо знаком с Любовью, но, увы, большинство из того, что он писал, существовало только в его мире, чистом, идеально красивом, но непонятном для многих мужчин, даже его близких друзей, одним из самых ярых циничных критиков которого был до недавнего времени сам Игорь.

Игорь как будто угадал, что Феликс искренне заинтересовался его откровениями, продолжал:

– Ты, человек старой закалки и несовременных устоев, хочешь, наверное, спросить, люблю ли я её, хочу ли жениться, детей. Я прав?

– Да, это то, что я хотел спросить, – не желая разочаровывать друга, кивнул в ответ Феликс.

– Не знаю, КАК тебе ответить. Эта женщина заставляет меня чувствовать... Почти в каждый из наших разговоров она рассказывает о том, что она чувствует. Искренне, сумбурно, непонятно... но... она как будто играет на той струне души моей, о существовании которой я и не подозревал. Не сковывая меня обычными женскими требованиями и не мучая лишними вопросами и претензиями, она говорит о том, что дорожит своей свободой, которая не означает бездумное перемещение из одной постели в другую, но имеет для неё антоним ограничения её творческой натуры, которую большинство и не пытаются понять. В этом я её понимаю, я тоже всё время стремлюсь к такой свободе, которую все опрометчиво называют безответственностью, не пытаюсь искренне понять, что я на самом деле имею в виду.

Однажды она мне сказала, что её посетила законченная мысль, что мол, замуж она не хочет! И тут же поправилась, что не хочет в формате «обычного» замужества. Обычного в смысле: обязательного с точки зрения обществом, а посему нужного. Для положения, для уважения, для продолжения рода, для воспитательных целей (дочку растит, как никак).

Нет, не хочет, потому что нужно! Что вообще в таком формате не хочет! Рассказала, что незадолго до этого разговаривала с тридцатилетней подругой, которую родители всё время теребят вопросами, в стиле “ну когда же уже ты будешь, как нам нужно, в твои-то годы?!” А та бедная, мучается. И непонятно, серьёзно ли страдает от отсутствия пары,

семейной жизни и детей или же, если бы не было такого давления со стороны общества, просто занималась бы собой и саморазвитием и не колбасилась!? И типа подруга честно ответила: «Занималась бы собой!», но тут же поправилась, как будто попыталась заглушить собственные мысли: «Подруга, ты что? Опасно так думать, я так НИКОГДА НЕ ВЫЙДУ ЗАМУЖ!»

Игорь вдруг замолчал, видимо ему в голову пришла какая-то мысль. Затем, встряхнув головой, как бы отгоняя надоедливую муху, вернулся к происходящему здесь и сейчас и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.